

Концептуальные проблемы целей наказания

И. В. ДВОРЯНСКОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>, e-mail: diw@yandex.ru

Реферат

Введение: статья посвящена фундаментальной для пенитенциарной науки проблеме – целям наказания, их сущности, эволюции и современной легальной и доктринальной интерпретации. *Цель:* на основе исследования правовой природы, социальной обусловленности, достижимости целей наказания выявить проблемы их соответствия современной уголовной политике России. *Методы:* исследование основано на диалектическом подходе к изучению социальных процессов и явлений. В нем использовались традиционные для наук уголовного права и криминологии методы – анализ и синтез, сравнительно-правовой, ретроспективный, формально-юридический, логический, компаративный. Применялись и частнонаучные методы: юрико-догматический и метод толкования правовых норм. *Результаты:* автор приходит к выводу о том, что наступило время смены концептуальных основ, на которых зиждется институт целей наказания. По его убеждению, предупреждать преступления необходимо сочетанием уголовной ответственности с воспитанием и профилактикой. Уровень рецидива, эмпирическая неverifiedируемость исправления, научная несостоятельность формулировки «восстановление социальной справедливости» (как можно восстанавливать то, что должно быть неизбежным аксиологическим ориентиром?) свидетельствуют о том, что отечественная пенология нуждается в коренном пересмотре сложившейся карательной парадигмы. В статье обосновывается тезис о том, что в существующем виде ни одна цель наказания не достижима в полном объеме. Так, общая превенция основана на страхе. Однако, как показывают криминологические исследования, те, кто склонны к совершению преступлений, наказания, как правило, не боятся (презрение к нему, закону и обществу в целом, очевидно, культивируется криминальной субкультурой). А законопослушные люди не совершают преступления в силу внутренних убеждений, воспитания и культуры. Таким образом, общая превенция как цель неэффективна. Исправление и специальная превенция слишком формализованы и не предполагают научно проверяемых (по крайней мере, нормативно закрепленных) критериев достижения, то есть собственно исправленности. Что касается восстановления социальной справедливости, то данная формулировка представляется абсурдной ввиду неверного понимания справедливости как таковой. По мнению автора, она представляет собой объективно сложившуюся аксиологическую систему, которая в принципе не может быть нарушена преступлением, а является эталоном, мерой оценки. Не зря она закреплена в качестве требования к судебному приговору в УПК РФ. Цель наказания в конечном счете состоит в самом наказании и реализации его функций (кары, возмездия, публичного порицания преступления, защиты общества от преступных посягательств). *Выводы:* в результате проведенного исследования обоснована необходимость законодательной реформы концепции целей наказания. Данная проблема представляется далеко не праздной, поскольку от ее решения зависят эффективность судебной и уголовно-исполнительной деятельности, судьба бессмысленных финансовых затрат на достижение недостижимых целей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: наказание; цель; эффективность; восстановление социальной справедливости; предупреждение преступлений; общая и специальная превенция; исправление осужденных; уголовная политика; концептуальные основы.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Дворянсков И. В. Концептуальные проблемы целей наказания. *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 2 (54), с. 247–259. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-247-259.

Conceptual Issues of the Goals of Punishment

IVAN V. DVORYANSKOV

Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation
Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>, e-mail: diw@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article considers the goals of punishment, their essence, evolution, and modern legal and doctrinal interpretation; these issues are among fundamental problems of penitentiary science. *Aim:* to study the legal nature, social conditionality, and achievability of the goals of punishment so as to identify their compliance with the modern criminal policy of Russia. *Methods:* the research is based on a dialectical approach to the study of social processes and phenomena. We use methods such as analysis, synthesis, comparative legal, retrospective, formal legal, logical, comparative methods; all of them are commonly used by the sciences of criminal law and criminology. We also apply private scientific methods such as the legal-dogmatic method and the method of interpretation of legal norms. *Results:* we conclude that the time has come to change the conceptual foundations on which the institution of the goals of punishment is based. We believe it is necessary to prevent crimes by combining criminal responsibility with education and prevention. The level of recidivism, the empirical non-verifiability of reformation, and the scientific inconsistency of the phrase “restoration of social justice” (how can we restore what should be an unshakable axiological guideline?) indicate that Russian penology should radically revise the existing punitive paradigm. The paper substantiates the thesis that no goal of punishment in the current form is fully achievable. It is known that general prevention is based on fear. However, according to criminological studies, those who are inclined to commit crimes, as a rule, are not afraid of punishment (their contempt for punishment, law and society as a whole is obviously cultivated by the criminal subculture). And law-abiding people do not commit crimes because of their inner beliefs, upbringing and culture. Thus, general prevention as a goal is ineffective. Reformation and special prevention are too formalized and do not assume scientifically verifiable (at least, legally enacted) criteria for their achieving, that is, the state of reformation itself. With regard to the restoration of social justice, this formulation seems absurd due to a misunderstanding of justice as such. In our opinion, it is an objectively established axiological system, which essentially cannot be violated by a crime, but represents a standard and a measure of evaluation. It is for a reason that it is legally defined as a requirement for a court sentence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The goal of punishment ultimately consists in the punishment itself and in the implementation of its functions (punishment, retribution, public condemnation of the crime, protection of society from criminal encroachments). *Conclusions:* the present research has substantiated the necessity to carry out a legislative reform of the concept of the goals of punishment. We find this problem quite relevant, because the effectiveness of judicial and penal enforcement activities and the fate of meaningless financial costs for achieving unattainable goals depend on finding a solution to it.

Keywords: punishment; goal; efficiency; restoration of social justice; crime prevention; general and special prevention; reformation of convicted persons; criminal policy; conceptual foundations.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Dvoryanskov I.V. Conceptual issues of the goals of punishment. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 2 (54), pp. 247–259. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-2-247-259.

Введение

Применение наказания можно и нужно рассматривать как способ социального управления. Необходимость последнего обусловлена как закреплением и сохранением

социальных ценностей, так и достижением определенных социальных идеалов, которые в свою очередь выражаются в целях наказания.

Цель как правовая категория традиционно рассматривается в качестве планируемого конечного результата, того, к чему стремятся субъекты правотворческой и правоприменительной деятельности. Иными словами, она представляет собой идеальную модель результата, который предполагается достичь посредством правового регулирования. Полагаем, что при этом цель как нормативно моделируемый результат должна в полной мере соответствовать ориентирам в юрисдикционной деятельности судебных, правоохранительных и уголовно-исполнительных органов.

Право не есть результат общественного договора и не саморазвивающийся объект, а продукт цели, служащий общественным отношениям. Конечная цель права – поставить вознаграждение на одну линию с наказанием, карательному праву соответствует наградное, а последнее отвечает принципу справедливости социального устройства [8, с. 346].

Следует согласиться с А. Л. Ременсоном в том, что спор о целях наказания – это спор принципиальный, так как именно цели наказания определяют социальные функции уголовного наказания, общие направления его эффективности, построения самой системы наказаний [15, с. 15].

Вместе с тем очевидно, что правовые цели являются квинтэссенцией уголовной политики и определяются текущими потребностями общества и государства, актуальными на данный момент представлениями о социальных интересах, ценностях, средствах и методах их охраны. Несомненно и то, что с изменением таких представлений в ходе эволюции или в результате более резких (революционных) общественно-политических трансформаций меняются и цели правового регулирования (в нашем случае – цели наказания).

Результаты

Цели наказания в отечественном уголовном праве менялись исторически. Во времена Русской Правды ими признавались возмездие и имущественные выгоды. Однако уже русское средневековое право этими двумя целями не ограничивается. Соборное уложение 1649 г. отличается от Русской Правды и судебных новыми карательными ориентирами публичного характера, состоящими в защите государства и общества от преступников и преступлений. Основной

целью петровского уголовного законодательства, представленной прежде всего в Артикулах воинских, являлось устрашение, что следовало из оговорок типа: «дабы через то страх подать и оных от таких непристойностей удержать». Устрашение обеспечивалось публичностью наказаний. Казнь производилась в людном месте, о ней публично объявлялось.

Главной целью наказания по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., ознаменовавшему итог карательной политики Николая I, являлось возмездие, которое связывалось со стремлением предотвратить под страхом наказания другие преступления. В данном нормативном акте были подробно определены все правовые признаки, характеризующие преступные деяния, виды наказаний и условия их применения. Наряду с Уложением о наказаниях 1885 г. и Уголовным уложением, утвержденным Николаем II в 1903 г., действовали: Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., Военный 1875 г. и Военно-морской 1886 г. уставы о наказаниях, не отличавшиеся какой-то особой трактовкой целей наказания. В Уголовном уложении 1903 г., последнем уголовно-правовом акте Российской империи, также не наблюдалось серьезных изменений в формулировке целей [2, с. 281].

Однако с приходом советской власти все резко меняется. Цели наказания приобрели ярко выраженный социальный характер, что было обусловлено новой государственной (социалистической) идеологией. В УК РСФСР 1922 г. в качестве целей закрепились: предупреждение новых правонарушений, приспособление нарушителя к условиям общежития, лишение преступника возможности совершать новые преступления, правовая защита государства трудящихся от преступлений и общественно опасных элементов путем применения к нарушителям наказания или других мер социальной защиты.

В УК РСФСР 1926 г. целью мер социальной защиты признавалось общее предупреждение новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других лиц [10].

И только в УК РСФСР 1960 г. были закрепились цели, близкие к существующим в настоящее время. В ст. 20 говорилось: «Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью

исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Очевидно, что приведенная совокупность целей представляла собой эклектичный конгломерат, сочетающий догматы классической и социологической школ уголовного права, и поэтому, на наш взгляд, не имела крепкого доктринального фундамента. Представляется, что это было обусловлено исторической целесообразностью отхода от намного более цельной и научно обоснованной, но скомпрометировавшей себя уголовной политики сталинского периода. Иными причинами трудно объяснить откат к уже устаревшим на тот момент и буржуазным по сути концепциям предупреждения и исправления.

Вместе с тем полноценной замены прежней пенилогической концепции, разработанной криминологами социологической школы, так и не было предложено, и это травматическое наследие советского периода было в практически неизменном виде реципировано действующим уголовным законом.

Таким образом, цели наказания представляют собой исторически изменчивую категорию, обусловленную тенденциями и уровнем развития общественного сознания. Полагаем при этом, что эффективность наказания может быть обеспечена только постановкой научно обоснованных целей, в основу которых будет положена теоретически цельная и непротиворечивая концепция целеполагания.

Рассматривая категорию «цель наказания» как некий представляемый законодателем идеальный результат государственного принуждения (физического и психологического), предпринимаемого по отношению к преступнику, трудно отрицать факт ее исторической изменчивости. А. Н. Филиппов отмечал: «Общей и конечной целью наказания всегда и везде была защита общественного порядка и спокойствия от чьих-либо правонарушений. Но так как по эпохам постепенно изменялся характер этих правонарушений, так и относительная ценность тех благ, на которые делались те или иные нападе-

ния, то ближайшие цели наказания претерпевали серьезные изменения в своих основаниях и в них по временам выдвигалась на первичном плане то одна, то другая задача возмездия, на осуществлении которой власти полагали наибольшие усилия» [21, с. 4].

В настоящее время эти цели формулируются в уголовном праве как основополагающей отрасли по отношению к уголовно-исполнительному праву: восстановление социальной справедливости, исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Как видим, все эти цели связаны с достижением определенных позитивных с точки зрения общества результатов, выражают стремление к устранению правового и социального конфликта, вызванного преступлением. Иными словами, речь идет о социально обусловленных целях, являющихся одновременно критериями эффективности наказания. Эффективность наказания может быть определена как соответствие действительных результатов ожидаемым. Понятие эффективности неразрывно связано с понятием цели наказания. Само наказание, на наш взгляд, выступает средством достижения положительного социального эффекта, моделируемого с учетом двух показателей: 1) что ждет от наказания общество; 2) на что действительно способно наказание, возможности которого, разумеется, не беспредельны.

Таким образом, эффективность определяется достижением ожидаемых результатов. Если рассматривать наказание как социальный инструмент, его эффективность должна оцениваться с двух позиций:

- 1) насколько наказание достигает поставленных перед ним целей;
- 2) приемлемы ли эти цели, средства и уровень их достижения с позиции общественного сознания.

Последний пункт важен потому, что государство усматривает в наказании не только слепую кару за совершенное преступление, но и способ достижения социального идеала в сфере борьбы с преступностью.

Считаем необходимым высказать некоторые соображения относительно природы наказания и его способности достигать указанные цели.

Ввиду того что наказание представляет собой реакцию на событие прошлого – преступление, оно является ретроактивной мерой. Иными словами, наказание вряд

ли может относиться к превентивным мерам, поскольку таковые предпринимаются до предупреждаемого события, а не после его совершения. Наказание имеет дело с последствиями преступления, но не может воздействовать на его причины, поскольку они вплетены в сложную систему социально-личностной детерминации с мощными факторами, остающимися вне досягаемости закона. Поэтому надежда на то, что на них повлияет наказание, не имеет достаточных оснований. В этой связи наказание лишь фиксирует общественную и государственную оценку содеянного, а оценка, как известно, должна быть справедливой, иначе в ней просто не будет смысла.

Полагаем, что наказание представляет собой форму реагирования на преступность и может быть эффективно только в сочетании с мерами профилактики [14]. По сути, это мера уголовной ответственности за содеянное, предполагающая обязанность виновного претерпеть кару, предполагающая в качестве дополнительного функционала возможность дифференциации ответственности (например, посредством замены одного наказания другим, назначения дополнительного наказания).

Кроме того, представляется, что наказание есть не что иное как средство коммуникации между государством и обществом, с помощью которого первое выражает свою позицию относительно того, что является преступным и, соответственно, опасным.

Наказание происходит от древнерусского слова «наказ» – наставление, поучение, распоряжение. Таким образом, реальные функции наказания – это социальное управление, а также утверждение воли государства, репрессия (подавление).

Обратимся к рассмотрению существующих целей наказания.

Цель восстановления социальной справедливости

В научной литературе данная цель раскрывается весьма неоднозначно. Так, Л. Л. Кругликов считает, что применение наказания с целью восстановления социальной справедливости является спорным ввиду аморфности содержания и средств достижения цели, а сам результат неконтролируем ввиду отсутствия возможности реального достижения заявленной цели [18, с. 350]. Еще более резко высказывается И. Я. Козаченко, отмечая аморфность и даже

лицемерность понятия «восстановление социальной справедливости», а также факт отсутствия разграничения принципа справедливости и упомянутой цели социальной справедливости со стороны законодателя. Он предлагает заменить «восстановление социальной справедливости» на «восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевшего либо его близких людей» [12, с. 17].

В. А. Уткин подчеркивает, что применяемое к виновному справедливое наказание должно способствовать восстановлению и формированию в общественном сознании убеждения в незыблемости охраняемого уголовным законом правопорядка, в наказуемости содеянного, в недопустимости следования антиобщественному «прецеденту» [20, с. 35].

В целом соглашаясь с приведенными позициями авторов, считаем, что они основаны на идеализированном восприятии рассматриваемой цели наказания. В первую очередь зададимся вопросом: что стало со справедливостью (в результате преступления), если надо ее восстанавливать? Социальная справедливость, на наш взгляд, является относительно стабильной аксиологической категорией, которая сама по себе нарушена быть не может, а выступает некоей константой, системой измерения, идеальной моделью, с помощью которой можно оценивать как преступные деяния, так и властные (судебные) акты, принимаемые по их поводу. Параметры социальной справедливости если не формулируются буквально, то вытекают из правовых принципов, презумпций, иных норм, содержащих формулировки должного и необходимого с официальной точки зрения состояния общественных отношений и одобряемых, приемлемых или допустимых с точки зрения общества вариантов их развития. При таком понимании мы должны не восстанавливать социальную справедливость, а приводить общественные отношения (конкретные обстоятельства) в соответствие с относительно устойчивыми (стабильными) аксиологическими требованиями (критериями), которые должны обретать своего рода статус-кво.

Если же исходить из концепции восстановления социальной справедливости, то автоматически надо допускать, что она является нестабильной (часто нарушаемой) категорией. Но раз мы допускаем, что спра-

ведливость нужно восстанавливать, то где тот эталон (шаблон), по которому это должно происходить? Или мы говорим о двух видах справедливости (нарушаемой и эталонной)? Думается, в этом нет никакого смысла.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на противоречие рассматриваемой цели и принципа справедливости, закрепленного в ст. 6 УК РФ, соблюдение которого однозначно свидетельствует о том, что уже при назначении наказания должна обеспечиваться (восстанавливаться) справедливость. Цель же восстановления социальной справедливости означает, что после вынесения наказания ее только предстоит достичь, то есть имеется определенная перспективная функция. Иными словами, полагаем, что соблюдение принципа справедливости делает ненужным достижение цели восстановления социальной справедливости. И наоборот, требование достижения такой цели фактически свидетельствует о том, что указанный принцип был нарушен.

В этой связи цель может быть сформулирована как достижение или обеспечение социальной справедливости. Однако для этого, по нашему мнению, нет оснований по той лишь причине, что обеспечение социальной справедливости есть не цель, а атрибутивное свойство наказания, что подкрепляется требованием к суду о вынесении законного и справедливого приговора. Иными словами, назначение справедливого наказания – это скорее цель суда, а не меры. Если наказание назначено справедливо, то ему уже нечего достигать.

В этом нам более импонирует мнение Н. Д. Сергеевского, который писал, что главная цель наказания – это порицание, которое и «есть сущность всякого наказания» [17, с. 64].

Цель исправления

Сразу следует сказать, что цели исправления и специальной превенции – это два последовательных этапа одного и того же явления (исправление – процесс, специальная превенция – результат).

Исправление выражает собой базовую, концептуальную идею, заложенную в институте наказания. Понятие «исправление осужденных» конкретизируется в уголовно-исполнительном законодательстве (ст. 9 УИК РФ).

Концепция исправления восходит еще к кантовскому категорическому императи-

ву. Оценивая природу человека как злую, И. Кант делает несколько не соответствующий исходной посылке вывод об основании нравственной и правовой ответственности: «Если человек в моральном смысле бывает или должен быть добрым или злым, то он сам себя должен делать или сделать таким...» [11, с. 29–30]. При этом он сам же признает: «Каким же образом может злой по природе человек сам себя сделать добрым, – это выше моего понимания» [11, с. 47].

Другой представитель классической школы, И. Бентам, в трактате о рациональной тюрьме сформулировал цель частной превенции-исправления. Весьма основательно ее разработали последующие представители классической школы уголовного права – Грольман, Штельцер, Аренс, Редер, которые рассматривали исправление как главную цель наказания [9, с. 28].

Сущность учения классической школы о наказании определяется одним из постулатов: усиливая наказание, общество делает преступление менее привлекательным, что позволяет удерживать людей от его совершения. К сожалению, этот тезис ни разу в истории не был подтвержден практикой. К примеру, смертная казнь, будучи самым строгим наказанием, просто не применялась бы, поскольку ее страх удерживал бы потенциальных преступников от совершения деяний, за которые она предусмотрена. Однако фактически назначение смертной казни в тех странах, где ее применение предусмотрено законодательством, ничуть не снижается.

Идея исправления в социологической школе воспринимается весьма неоднозначно и увязывается с влиянием среды на человека.

По мнению Г. Тарда, антропологические и физические факторы оказывают лишь импульсивное влияние и толкают к неопределенным формам деятельности, между тем как социальные факторы направляют эту деятельность. «В одной и той же социальной среде, – писал он, – накопление социальных влияний может быть весьма различным: у одних преобладает нравственное взаимодействие от честных людей, у других – подражание людям порочным или преступным. Поэтому, прежде чем пытаться сделать человека „хорошим“, необходимо добиться, чтобы он захотел стать хорошим, чтобы это отвечало его интересам» [9, с. 99].

Э. Дюркгейм писал, что для выяснения причин преступности необходимо исследовать не состояния отдельных людей, а условия, в которых находится «социальное тело в целом». Причина этого заключается в том, что группа думает, чувствует, действует совсем иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были разъединены [6, с. 60]. Исправление, по Э. Дюркгейму, не может быть универсальной целью. Он писал, что «если преступление есть болезнь, то наказание является лекарством и не может рассматриваться иначе; поэтому все вопросы, возбуждаемые им, сводятся к тому, чтобы узнать, чем оно должно быть для выполнения своей роли лекарства. Если же в преступлении нет ничего болезненного, то наказание не должно иметь целью исцелить от него и его истинная функция должна быть отыскиваема в другом месте» [4, с. 79]. В другой своей работе о наказании он пишет так: «Оно играет полезную роль. Только роль эта не в том, в чем ее обычно видят. Она не служит – или служит второстепенным образом – для исправления виновного или для устрашения его возможных подражателей; с обеих этих точек зрения польза его, по справедливости, сомнительна и во всяком случае посредственна. Его истинная функция – сохранить в целостности общественную связь, удерживая всю ее жизненность в социальном сознании» [5, с. 85].

В XIX в. итальянские криминологи Э. Ферри и Р. Гарофало разработали концепцию опасного состояния преступника, суть которой заключается в том, что преступника надо не карать, а выводить из состояния повышенной склонности к преступлению (и до тех пор, пока это не сделано, изолировать). Это имеет весьма отдаленное отношение к исправлению, а скорее, связано с исцелением, поскольку преступность рассматривалась как социальная болезнь. Особенностью клинической криминологии является попытка сформировать особую систему мер коррекции личности, которая была бы самодостаточной, то есть выступала основным методом воздействия на преступность. Представители данного направления практически отрицали кару как превентивное сдерживающее средство. Они пытались превратить криминологию в своеобразную антикриминогенную медицину, а тюрьму – в клинику. Наиболее весомый вклад в формирование на базе теории социальной защиты клинической криминологии внес итальян-

ский ученый Филиппо Граматика. Основные положения его концепции сводились к тому, что уголовная политика на основе социальной защиты должна ориентироваться в большей степени на индивидуальное, а не на общее предупреждение преступлений. Ресоциализация правонарушителя – главная цель, поскольку перевоспитание и социализация преступника более эффективно защищают общество от преступлений, нежели жесткие карательные меры [9, с. 140].

Итак, понимая преступность как социальное явление, детерминированное обстоятельствами внешней (социальной) среды, представители социологической школы рассматривают исправление как феномен в связке с таким понятием, как причины преступности. При этом проблемы коррекции преступных наклонностей, и то, скорее, в психобиологическом, а не социальном смысле, разрабатывались в рамках клинической криминологии. Что касается социологической криминологии, то она не рассматривает наказание как сколь-нибудь эффективное средство исправления или предупреждения преступности. Так, американский криминолог Э. Сатерленд объяснял преступность, опираясь исключительно на факторы социальной жизни. Он писал, что преступное поведение ничем принципиально не отличается от других форм человеческой деятельности, человек становится преступником лишь в силу своей способности к обучению. Он обучается преступному поведению не потому, что имеет к этому особые преступные задатки, а потому, что криминальные образцы чаще попадают к нему на глаза, и у него устанавливается более тесная связь с такими людьми, у которых он может перенять криминогенные взгляды и умения. Если бы тот же самый подросток с детства был включен в другой круг общения, он вырос бы совсем другим человеком [9, с. 178–179].

Отчасти соглашаясь с этой позицией в аспекте социальной обусловленности преступности, отметим, что, по нашему мнению, ее детерминизм имеет социально-биологический характер. Рождаясь как биологическое существо, в базисе своей психики человек имеет определенные животные начала (инстинкты). С течением жизни они никуда не пропадают и лишь меняют свою интенсивность под влиянием физиологических процессов организма, связанных с его формированием, взрослением,

старением. Однако, испытывая с самого раннего возраста влияние общества, человек проходит этап социализации, то есть усвоения принятых в этом обществе норм и правил, которые становятся личностно значимыми для него, а их соблюдение приобретает характер его собственной потребности. Результатом успешной социализации становится эффективный самоконтроль на основе своеобразной оболочки, формируемой усвоенными социальными нормами, запечатывающей биологическое начало человека, ставящей его под контроль сознания. В случае же неуспешной социализации данная оболочка либо получается недостаточно прочной, либо имеет определенные бреши, позволяющие животным инстинктам завладеть сознанием человека, управлять им. Именно в этом проявляется взаимосвязь социальных и биологических детерминант преступного поведения. При этом очевидно, что единственно надежными методами его предупреждения являются восполнение недостатков социализации и минимизация влияния на личность деструктивных факторов внешней среды. В рамках уголовного наказания возможности ресоциализации существенно ограничены психологическим состоянием осужденного, подвергаемого карательному воздействию (при лишении свободы – практически отсутствуют). В этот период можно говорить только о подготовке почвы для приспособления человека к жизни в обществе. Очевидно, что весьма сложно почувствовать себя полноправным членом социума, испытывая карательные правоограничения, налагаемые наказанием.

В настоящее время исправление прочно связано с понятием наказания и включено в число его целей (ст. 43 УК РФ). Вместе с тем вопрос о его достижении остается дискуссионным. В. А. Уткин анализирует две крайние позиции по этому вопросу. Одна из них сводится к тому, что исправление представляет собой недопустимое вторжение во внутренний «суверенитет» осужденного, а сама по себе исправительная терминология есть не что иное как идеологическое прикрытие всевозможных (в том числе латентных, незаконных) способов подавления личности, восходящих к эпохе ГУЛАГа. Вторую позицию образуют суждения о ненужности цели исправления как недостижимой, бессмысленной и дезориентирующей практикой. Сам же ученый полагает, что исключение исправления из числа целей

наказания приведет к резкому снижению гуманистического потенциала последнего, а само исправление определяет через два взаимосвязанных аспекта: а) формирование осужденного субъективной готовности к сознательному добровольному соблюдению норм уголовного закона; б) формирование в его личности объективных качеств, свойств, способствующих ответственному законопослушному (точнее – уголовно-законопослушному) поведению. При этом он отмечает, что отождествлять исправление и устрашение неверно [20, с. 36, 40–41]. С уважением относясь к высказанному мнению, все же отметим некоторую его идеалистичность. Очевидно, что исправление должно пониматься не формально, а содержательно – как формирование у личности неких позитивных качеств, перечисленных в весьма абстрактной форме в ст. 9 УИК РФ. Однако ни в уголовном, ни в уголовно-исполнительном законодательстве не названо критериев достижения этой цели, а именно не определено, по каким проявлениям поведения можно констатировать исправление. Да и вряд ли можно рассчитывать на позитивную трансформацию личности под влиянием кары, являющейся, как известно, сущностью наказания.

Исправление в его существующем виде предполагает рассмотрение преступной склонности как внутренней патологии, корректируемой посредством изменения отношения преступника к социальным ценностям. При этом, на наш взгляд, игнорируется социальная детерминация преступности, то есть влияние на личность преступника внешней среды. Когда говорят об исправлении, почему-то забывают о внешних факторах. Вернемся к основам: как формируется преступник? чем детерминируется преступность? Эти проблемы отнюдь не современные и стали краеугольным камнем оппозиции классической и социологической школ уголовного права еще в XIX в. От ответа на эти вопросы зависит и решение относительно цели исправления и целесообразности ее сохранения. Если исходить из социальной обусловленности преступности, то видеть корень зла только в личности преступника и ставить во главу угла его исправление было бы неправильно. Для этого надо допустить, что после достижения исправления на бывшего преступника не будут действовать криминогенные факторы, либо рассматривать исправление абстрактно, в отрыве от

реальных условий жизни лица, в том числе после отбытия наказания.

Следует сказать, что за рубежом наказание ассоциируется с карой и возмездием за содеянное. Это имеет определенную не лишнюю рациональности аргументацию. Если обязанность понести наказание за содеянное возникает только у достигшего определенного возраста вменяемого человека, то очевидно, что он отдает отчет в своих действиях и руководит ими. Следовательно, он должен понимать, что за преступление его ждет наказание. А раз так, то он осознанно идет на риск и платит своеобразную цену за свое деяние. С прагматической точки зрения все так и есть. Человека надо сначала наказать, а уже потом требовать от него изменения поведения. Так, норвежский криминолог Нильс Кристи рассматривал наказание как боль, вынужденно причиняемую преступнику: «Одно из правил, которому нужно было следовать, таково: если есть сомнения, то нельзя причинять боль. Другое правило должно состоять в том, чтобы причинять как можно меньше боли. Ищите альтернативу наказанию, а не альтернативные наказания. Часто нет необходимости реагировать: преступник так же, как и окружающие, знает, что то, что он совершил, – плохо. Многие отклоняющиеся поступки представляют собой экспрессивную, неадекватную попытку что-то сказать. Пусть преступление послужит исходным пунктом для подлинного диалога, а не столь же неадекватного ответа посредством причинения боли полной мерой» [13, с. 20]. Иными словами, в момент причинения боли трудно ожидать от человека осознания своей вины.

На Западе большую популярность приобрели теории ресоциализации преступника. Соответственно, важными направлениями социальной работы за рубежом выступают: а) постпенитенциарная социальная работа (работа с лицами, освобожденными из пенитенциарных учреждений); б) работа с осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества.

Еще раз повторим, что отечественная доктрина основана на сочетании карательного воздействия с исправительным, что налагает отпечаток на сам процесс исполнения наказаний, в том числе условия отбывания, режимные требования, полномочия сотрудников уголовно-исполнительной системы. Справедливости ради следует сказать, что в последние два десятилетия наблюдаются

некие отступления от нее. Так, с принятием УИК РФ в 1997 г. на законодательном уровне перестало употребляться сочетание «исправительно-трудовой», что подчеркивает скорее формально-юридическую, а не содержательную сторону исполнения наказания. Преимущество если и сохраняется, то лишь частично. Из названия учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, исчезло слово «трудовые», и они из ИТК превратились в ИК.

Исправление упоминается в законодательстве как цель наказания (ст. 43 УК РФ) и как цель уголовно-исполнительного законодательства (ч. 1 ст. 1 УИК РФ).

Легальное определение содержится в ч. 1 ст. 9 УИК РФ: «Исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения».

Данное определение дает основания для нескольких выводов. Во-первых, исправление раскрывается через понятие «уважительное отношение». Далее содержится исчерпывающий перечень социальных благ, к которым осужденный должен уважительно относиться. Указание на собственные качества личности, которые могли бы свидетельствовать об исправлении (правопослушание, порядочность, совесть, сострадание, честность, доброта и т. п.), законодательная дефиниция не дает.

Во-вторых, использование существительных, образованных от глаголов несовершенного вида (формирование и стимулирование), определяет исправление как процесс, протяженный во времени и не имеющий финальной точки. Иными словами, что делать – формировать, стимулировать, но не что сделать – сформировать, добиться. Таким образом, цель формулируется как процесс, но не как результат. Очевидно, что в такой редакции достижения исправления как окончательной сформированности каких-то качеств у осужденного не требуется, а реализация исправления означает деятельность субъектов, исполняющих наказания и иные уголовно-правовые меры по такому формированию и стимулированию (с любой эффективностью, поскольку иное из определения не вытекает).

В этой связи возникает еще одна дискуссионная проблема – о сущности исправления. По поводу ее решения в науке сложи-

лись две позиции. Первая гласит, что цель исправления считается достигнутой, если осужденный после отбытия наказания (не важно, в силу каких причин) больше не совершает преступлений (так называемое юридическое или формальное исправление) [19, с. 24].

Разумеется, такое исправление не предполагает подлинных изменений правосознания и личностных качеств осужденного в лучшую сторону, поскольку он может продемонстрировать уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, а также правопослушное поведение, например, для того, чтобы условно-досрочно освободиться из исправительного учреждения. Напомним, что согласно ч. 1 ст. 79 УК РФ лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению (УДО), если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. В. И. Селиверстов в этой связи справедливо отмечает, что, исходя из ст. 79 УК РФ, приоритетным критерием для УДО является поведение осужденного в местах лишения свободы. При оценке поведения осужденного в качестве определяющего показателя выступает наличие взысканий за нарушение режима в исправительном учреждении. Нарушителю режима, а тем более злостному нарушителю режима, трудно претендовать на УДО. В этом есть определенный профессионально-целевой смысл: УДО является наиболее сильным стимулом правопослушного поведения во время отбывания наказания. Однако является ли правопослушное поведение осужденного гарантией несвершения нового преступления после УДО? Автор полагает, что нет, ссылаясь при этом на цифры постпенитенциарного рецидива. В настоящее время об уровне рецидива можно косвенно судить по данным официальной статистики, а именно по доле лиц, ранее совершивших преступления, в расчете на общий массив лиц, совершивших преступление. В среднем этот показатель колеблется от 30 до 33 %. Однако уровень рецидива не позволяет судить об эффективности деятельности исправительных учреждений и (или) ее отдельных направлений, включая и подготовку к УДО [16, с. 126].

Согласно выборочным научным исследованиям, проведенным в 2006–2009 гг. учеными Томского госуниверситета, в течение трех лет после освобождения совершает новое преступление в среднем 55 % освобожденных из колонии общего режима и 29,6 % освобожденных из колонии строгого режима (данные по колониям общего и строгого режимов Томской и Кемеровской областей). Кроме того, выявлены значимые различия в постпенитенциарном рецидиве в зависимости от оснований освобождения от отбывания наказания. Например, постпенитенциарный рецидив среди освобожденных из колонии общего режима условно-досрочно составил 68,5 %, в связи с заменой лишения свободы более мягким видом наказания – 66,7 %, а по отбытии срока наказания в виде лишения свободы – 46,8 %. При освобождении из колонии строгого режима – 30,6, 47,1 и 20,5 % соответственно. Эти цифры характеризуют тот период времени, когда удовлетворение ходатайств осужденных об УДО доходило до 85 % [3, с. 8].

Из приведенной статистики видно, что обязательный учет исправления, осуществляемый как на стадии подготовки характеристики на осужденного администрацией исправительного учреждения, так и на стадии судебного рассмотрения этого вопроса, не является гарантией достоверности соответствующего вывода. Следовательно, практическая верификация достижимости цели исправления может быть поставлена под сомнение.

Цель предупреждения совершения новых преступлений

В заявленной цели объединяются фактически две подцели: общая и специальная превенция.

Предупреждение как цель наказания является продуктом классической школы уголовного права. Соответствующая теоретическая концепция была разработана еще в трудах Ч. Беккариа. Красивая и благородная, данная цель практически не была подкреплена методологией. Как писал о представителях классической школы Э. Сатерленд, единственным методом этих ученых было кресло, на котором они сидели во время написания своих книг [9, с. 20]. Ч. Беккариа отмечал: «Цель наказания заключается не в истязании и мучении человека... цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь прине-

сти вред обществу и удержать других от совершения того же» [1, с. 43]. Как видим, это в чистом виде формулировка целей общей и специальной превенции. При всей прогрессивности и благородстве идеи предупреждения преступлений, особенно на рубеже XVIII–XIX вв., она не вышла из ореола благонамеренности на тернистую тропу практической реализации. Более того, эта идея, будучи современной на тот период, является, к сожалению, весьма архаичной сегодня.

Общая превенция основана на постулате, что людей удерживает от совершения преступления страх наказания. Теория психического устрашения наказанием была разработана еще Паулем Иоганном Ансельмом Фейербахом.

Таким образом, по прошествии двух десятилетий XXI в. мы по-прежнему руководствуемся средневековой максимой, что люди мало чем отличаются от животных, а управление ими возможно посредством выработки условных рефлексов, основанных на страхе.

Преступление и грех, как правило, не разделялись, поэтому в наказание и исправление зачастую вкладывался религиозный смысл. Наиболее характерные примеры сочетания карательного и религиозного воздействия на преступность можно найти в Древнем Египте, Вавилоне, Индии (в IV–III тыс. до н. э.). Образцом такого взаимопроникновения, в частности, являются законы Ману – памятник древнеиндийской литературы, сборник предписаний. В них говорится: «Наказание управляет человеческим родом, наказание его охраняет, наказание бодрствует, когда все спит» [7, с. 47].

В период Средневековья (до XV в.) уголовное право находилось под мощным влиянием религиозных воззрений, с одной стороны, римского права и философских учений античности – с другой.

В последующем, с возрастанием роли святой инквизиции, наблюдается отход от гуманистических принципов с одновременным углублением теоретических изысканий в области природы преступления. Соответствующие (во многом мистико-религиозные) идеи разрабатывались в трудах Иоанна Дамаскина, Фомы Аквинского, Шпренгера, Крамера и др. Теоретиками инквизиции было сформулировано понятие о преступнике как пособнике злых сил и разработаны практические приемы по их выявлению. К числу таких приемов, как известно, относи-

лись жестокие пытки, поиск особых «меток дьявола» (родимых пятен, бледности лица, мест на теле, из которых при иглоукалывании не идет кровь, и т. п.). В 1486 г. монахи-инквизиторы Я. Шпренгер и Г. Инститорис опубликовали руководство по борьбе с преступностью «Молот ведьм», в котором анализировали причины появления «дьяволизма» в поведении людей, раскрывали различные аспекты инквизиционного процесса.

Разумеется, в рамках такой парадигмы говорить об исправлении преступника не представлялось возможным. Более того, казнь являлась благом для него самого, ибо избавляла от греха. К числу наиболее гуманных видов наказания инквизиторы относили сжигание на костре, который считался земным прообразом чистилища. При наличии смягчающих обстоятельств сжигаемых предварительно подвергали удушению [9, с. 17].

Однако еще в древние времена люди пришли к пониманию того, что предупреждение преступлений не может быть основано только на страхе. Конфуций, Пифагор, Демокрит, Сократ, Платон и другие мыслители придавали большое значение воспитанию. В частности, Пифагор заложил основы системы гражданского воспитания в Древней Греции, а Демокрит развивал идеи воздействия на преступность с помощью воспитания. Последний считал, что причиной преступлений являются нравственные и умственные пороки, что неправильное поведение человека является следствием отсутствия у него знаний о более правильном. С пороками воспитания и возникающими как их следствие искаженными потребностями (алчностью, развратом и т. д.) связывали преступное поведение Диоген, Антисфен и другие древнегреческие философы.

Сегодня, в 2021 г., закономерен вопрос: а как же правосознание, воспитание, социализация, совесть, нравственность, чувство солидарности и социальной ответственности? Вряд ли наказание как исключительно карательная мера может способствовать их формированию. Цель общей превенции, по сути, игнорирует эти качества личности, выработанные долгой эволюцией человеческой цивилизации, опираясь только на страх.

Что касается специальной превенции, то она, как уже ранее отмечалось, представляется не чем иным, как практической реализацией цели исправления, точнее опре-

деляемым ее достижением положительным эффектом – несовершенством новых преступлений лицом, уже подвергнутому наказанию.

Выводы

Проблемы целеполагания в пенологии при всем их теоретическом характере имеют вполне практическое значение. Эффективность деятельности уголовно-исполнительной системы, ее сотрудников непосредственно оценивается по достижении целей наказания. Концептуальная неопределенность существующих целей и практическая неподтверждаемость их достижения, по сути, лишают смысла такую деятельность, не оставляют шанса для ее успешности и оправданности (благородности) с точки зрения общественного мнения. Поэтому корректировка целей наказания, четкая законодательная формулировка критериев достигаемого результата должна способствовать успешности и эффективности

уголовной политики государства, обретению ею социальной поддержки.

В нынешнем виде цели наказания имеют декларативный характер. Это означает, что при благородности посылки они не отвечают условию достижимости в силу ряда причин: понятийной неточности (восстановление социальной справедливости), избыточности и практической неверифицируемости (исправление и специальная превенция), архаичности (общая превенция).

Если наказание – это реакция государства на преступность, то эта реакция должна быть современной и релевантной реальным проявлениям криминала и социальным потребностям. Очевидно, что, исходя из сущности наказания и его современного понимания, целями его могут быть возмездие (кара), правовая защита общества от преступлений и лиц, их совершающих, а также государственное порицание преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Чезаре Беккариа. – Москва : Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1939. – 182 с.
2. Беляев, И. Д. Лекции по истории русского законодательства / [соч.] И. Д. Беляева. – Москва : Типолитограф. С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. – 728 с.
3. Горюновская, В. В. Постпенитенциарный рецидив : монография / В. В. Горюновская ; под научной редакцией В. А. Уткина. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 165 с. – ISBN 978-5-4396-0074-8.
4. Дюркгейм, Э. Метод социологии / Эмиль Дюркгейм. – Киев ; Харьков : Ф. А. Иогансон, 1899. – 153 с.
5. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда : этюд об организации высших обществ / [соч.] Эмиля Дюркгейма. – Одесса : Тип. Г. М. Левинсона, 1900. – 332 с.
6. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Эмиль Дюркгейм / Перевод с французского, составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – Москва : Канон, 1995. – 352 с. – ISBN 5-88373-037-X.
7. Законы Ману / перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным. – Москва : Изд-во восточной литературы, 1960. – 362 с.
8. Иеринг, Р. Цель в праве / [соч.] Рудольфа фон-Иеринга. Том 1. – Санкт-Петербург : Н. В. Муравьев, 1881. – 412 с.
9. Иншаков, С. М. Зарубежная криминология : учебное пособие для студентов вузов / С. М. Иншаков. – 2-е издание. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2003. – 374 с. – ISBN 5-238-00616-0.
10. Калашникова, А. И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.: компромисс идеологии и науки : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Калашникова Анжелика Ирековна. – Казань, 2009. – 192 с.
11. Кант, И. Собрание сочинений в восьми томах. Том 6. Религия в пределах только разума / Иммануил Кант. – Москва : Чоро, 1994. – 613 с. – ISBN 5-8497-000-6-4.
12. Козаченко, И. Я. Уголовно-правовая калькуляция цели уголовного наказания / И. Я. Козаченко, Е. Б. Козаченко // Наказание в условиях гуманизации уголовной политики России : сборник материалов межведомственного научно-практического семинара / ответственный редактор кандидат юридических наук, доцент В. Ф. Лапшин. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2011. – С. 17.
13. Кристи, Н. Причиняя боль: роль наказания в уголовной политике / Нильс Кристи ; под общей редакцией Я. И. Гилинского. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. – 162 с. – ISBN 978-5-91419-457-1.
14. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (часть I). – Ст. 3851.
15. Ременсон, А. Л. Является ли кара целью наказания? / А. Л. Ременсон // Ременсон А. Л. Избранные труды. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 115–125. – ISBN 5-7511-1728-X.
16. Селиверстов, В. И. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения / В. И. Селиверстов // Уголовное право. – 2015. – № 3. – С. 126–130.
17. Сергеевский, Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая / [соч.] Н. Д. Сергеевского. – 6-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1905. – 368 с.
18. Уголовное право России. Часть Общая : учебник для вузов / ответственный редактор Л. Л. Круликов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2005. – 592 с. – ISBN 5-466-00080-9.
19. Уголовный кодекс Российской Федерации : постатейный комментарий / под редакцией доктора юридических наук, профессора Г. А. Есакова. – Изд. 7-е, перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2017. – 736 с. – ISBN 978-5-392-24417-1.
20. Уткин, В. А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций / В. А. Уткин. – Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2018. – 239 с. – ISBN 978-5-94621-680-7.

21. Филиппов, А. Н. О целях наказания по узаконениям Петровского царствования / Александр Филиппов // Юридический вестник. – 1890. – Том V, № 5–6. – С. 3–41.

REFERENCES

1. Beccaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On Crimes and Punishments]. Moscow: Yuridicheskoe izd-vo NKYu SSSR, 1939. 182 p.
2. Belyaev I.D. *Lektsii po istorii russkogo zakonodatel'stva* [Lectures on the history of Russian legislation]. Moscow: Tipolitogr. S.A. Petrovskogo i N.P. Panina, 1879. 728 p.
3. Gorodnyanskaya V.V. *Postpenitentsiarnyi retsidiv: monografiya* [Postpenitentiary relapse: monograph]. Moscow: YurLitinform, 2012. 165 p.
4. Durkheim E. *Metod sotsiologii* [The Rules of Sociological Method]. Kyiv; Kharkiv: F.A. Ioganson, 1899. 153 p.
5. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda: etyud ob organizatsii vysshikh obshchestv* [The Division of Labor in Society]. Odessa: Tip. G.M. Levinsona, 1900. 332 p.
6. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, Purpose]. Translated from French by A.B. Gofman. Moscow: Kanon, 1995. 352 p.
7. *Zakony Manu* [The Laws of Manu]. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury, 1960. 362 p.
8. Jhering R. *Tsel' v prave. Sochineniya. Tom 1* [The Purpose in Law. Works. Volume 1]. Saint Petersburg: N.V. Murav'ev, 1881. 412 p.
9. Inshakov S.M. *Zarubezhnaya kriminologiya: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Foreign criminology: a textbook for university students]. Second edition. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2003. 374 p.
10. Kalashnikova A.I. *Ugolovnyi kodeks RSFSR 1926 g.: kompromiss ideologii i nauki: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminal Code of the RSFSR 1926: a compromise of ideology and science: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Kazan, 2009. 192 p.
11. Kant I. Religion within the Limits of Reason Alone. In: Kant I. *Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh. Tom 6* [Collected works in eight volumes. Volume 6]. Moscow: Choro, 1994. 613 p. (In Russ.).
12. Kozachenko I.Ya., Kozachenko E.B. Criminal law calculation of the goals of criminal punishment. In: Lapshin V.F. (Ed.). *Nakazanie v usloviyakh gumanizatsii ugolovnoi politiki Rossii: sbornik materialov mezhdvdomstvennogo nauchno-prakticheskogo seminara* [Punishment in the context of humanization of criminal policy in Russia: proceedings of the interagency research-to-practice seminar]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2011. P. 17. (In Russ.).
13. Christie N. *Prichinyaya bol': rol' nakazaniya v ugolovnoi politike* [Limits to Pain: The Role of Punishment in Penal Policy]. Ed. by Ya.I. Gilinskii. Saint Petersburg: Aleteiya, 2011. 162 p.
14. On the basics of the system of prevention of offenses in the Russian Federation: Federal Law 182-FZ of June 23, 2016. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2016. No. 26 (Part I). Art. 3851. (In Russ.).
15. Remenson A.L. Is retribution the purpose of punishment? In: Remenson A.L. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2003. 98 p. (In Russ.).
16. Seliverstov V.I. Criminal-legal and criminal-executive issues of conditional early release. *Ugolovnoe pravo*=Criminal Law, 2015, no. 3, pp. 126–130. (In Russ.).
17. Sergeevskii N.D. *Russkoe ugolovnoe pravo. Chast' Obshchaya* [Russian criminal law. The General Part]. Sixth edition. Saint Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha, 1905. 368 p.
18. Kruglikov L.L. (Ed.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' Obshchaya: uchebnyk dlya vuzov* [Russian criminal law. The General Part: a textbook for universities]. Second edition, revised and supplemented. Moscow: Volters Kluver, 2005. 592 p.
19. Esakov G.A. (Ed.). *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: postateinyi kommentarii* [The Criminal Code of the Russian Federation: article-by-article commentary]. Seventh edition, revised and supplemented. Moscow: Prospekt, 2017. 736 p.
20. Utkin V.A. *Problemy teorii ugolovnykh nakazanii: kurs lektsii* [Problems of the theory of criminal penalties: a course of lectures]. Tomsk: Izdatel'skii dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. 239 p.
21. Filippov A.N. On the goals of punishment under the legalities during the reign of Peter the Great. *Yuridicheskii vestnik*=Law Bulletin, 1890, vol.5, no. 5–6. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ ДВОРЯНСКОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>, e-mail: diw@yandex.ru

IVAN V. DVORYANSKOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of FSIN Russia, Moscow, Russian Federation, professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts, Faculty of Law, Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia, Vologda, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0542-5254>, e-mail: diw@yandex.ru

Статья поступила 21.01.2021